

ЛИЧНОСТЬ
Димитрія Самозванца

ПО О. ПИРЛИНГУ

Составилъ А. Житовъ.

ЛИЧНОСТЬ
Димитрія Самозванца

ПО О. ПИРЛИНГУ

Составилъ А. Житовъ.

Личность Дмитрія Самозванца

ПО О. ПИРЛИНГУ.

Какъ то мнѣ случайно пришлось увидеть рукопись XVI вѣка заключающую въ себѣ церковный уставъ, принадлежавшій прежде Ростовскому, что на Устьѣ, Борисоглѣбскому монастырю. Въ числѣ разныхъ замѣтокъ оказалась одна записъ: „Лѣта 7116 мѣсяца . . латинскій попъ Николай усагъ въ пустынь Спасскую“. Заинтересовавшись этой записью, я произвелъ рядъ изслѣдованій и вмѣстѣ съ тѣмъ свесся съ пзвѣстнымъ историкомъ О. Павломъ Пирлингомъ. Вскорѣ я получалъ отъ него отвѣтъ, въ которомъ онъ, сдѣлавъ указанія, познакомилъ меня и съ краткой биографіей этого попа Николая, оказавшагося патеромъ Николаемъ де Мелло; его имя по общенію О. Пирлинга, занесено въ португальскую агиологию.

Cardoso (george), Agiologio.

Lusitano em Lisboa, 1672,

p. 19 (Javeiro II).

Foi o d. F. Nicolao de Mello da illustri familia dos Mellos et Cabraes de Belmonte lugar mui conhecido em Portugal, no Bispaado da gnarda, et pro criarse em Covilhaa vierao algum aulores a dizer que dalli fova natural Padues en Moscovia depois de larg. cattiveiro an. 1615.

Впоследствии о. Пирлингъ прислалъ мнѣ откъ своей статьи, напечатанной имъ въ «Русской Старинѣ».*)

Николай де Мелло былъ португалецъ изъ мѣстной аристократіи. Въ 1578 г. онъ поступилъ въ ор-

денъ Августинцевъ, жилъ въ Мексикѣ, а въ 1584 г. переведенъ на Филиппинскіе острова. Былъ чело-вѣкъ образованный и оставилъ слѣды въ духовной литературѣ. Въ 1599 г. онъ былъ отправленъ отъ ордена съ порученіемъ въ папскую курию съ однимъ изъ крещенныхъ имъ юношей - японцемъ. Поѣхали они сухимъ путемъ. Въ Перейшахъ Аббасть II принялъ ихъ милостиво и, снаряжая посольство въ Европу для заключенія союза съ христіанскими государями противъ турокъ, включилъ его въ число пословъ и вручилъ ему письма къ папѣ и Испанскому королю. Въ этомъ же посольствѣ участвовалъ англичанинъ Антоній Ширлей служившій при шахѣ и вовсе не желавшій раздѣлять своего представителя съ латинскимъ монахомъ. Въ своихъ документахъ Ширлей очень неостро отзывается о де Мелло и приписываетъ ему даже не благовидные поступки; по словамъ же де Мелло, Ширлей вѣщески притѣняетъ его и даже покушался на его жизнь. Посольство это добралось до Москвы въ 1600 г.

Де Мелло поселился въ Москвѣ у доктора итальянца Павла Читадіена, гдѣ окрестилъ по католическому обряду одну новорожденную дѣвочку Англичанинъ Ширлей доносилъ объ этомъ царю Борису. Началось слѣдствіе. При обыскѣ нашли грамоты шаха къ папѣ и испанскому королю, что москвичамъ показалось подозрительнымъ. Въ концѣ концовъ патера Николая сослали въ Соловецкій монастырь.†

*) Май 1902 г.

Де-Мелло пробылъ въ Соловецкомъ монастырѣ около 6 лѣтъ и только когда воцарился Димитрій, послѣдовать приказъ объ его освобожденіи. Но куда онъ ѣхалъ въ Москву, Димитрія убили а воцарившійся Василій Шуйскій не медля отправилъ его вмѣстѣ съ японцемъ въ Ростовскій, что на Устьѣ, Борисоглѣбскій монастырь.

Тамъ сначала жились имъ плохо и, вѣроятно, изъ монастыря, судя по вышеприведенной записи на Уставѣ, и сослали его въ Свасскую пустынь, служившую въ то время мѣстомъ ссылки для провинившихся иноковъ *) Но еще въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ Николай близко сошелся со священникомъ этой обители святымъ старцемъ Иринархомъ Затворникомъ, **) такъ опозитизированнымъ историкомъ на-

*) Свасская пустынь находилась въ 10 верстахъ отъ Борисоглѣбскаго монастыря на берегу р. Мокры, впадающей въ Утье. Она была, по видимому, с женой шайками мятежниковъ, стоявшими лагеремъ около монастыря, слѣды которыхъ сохранились до настоящаго времени и называются „Лагерями“. Пустынь была возобновлена вдовымъ священникомъ с. Уславцева Родіономъ, лицомъ, очевидно близкимъ къ Царю Алексѣю Михайловичу, который жертвовалъ на пустынь и деньги и вотчины. Въ 1694 г. пустынь приписали къ Ростовскому архіерейскому дому. Тогда въ ней находилась одна деревянная церковь; затѣмъ въ 1764 г. и самый храмъ съ иконами уничтоженъ. Мѣстный храмовый образъ Спаса Нерукотвореннаго изъ этой пустыни нынѣ находится въ Ростовской Григорьевской Кремлевской церкви. Больше подробное описаніе Свасской пустыни помѣщено мною въ приложеніи къ V тому Описанія рукописей И. А. Вахрайева, стр. 140—142.

**) Преп. Иринархъ, память котораго празднуется 13 января, былъ въ большомъ почетѣ у Царя Василія Шуйскаго, принималъ у себя князя Димитрія Пожарскаго. Очевидно, благодаря дружбѣ патера Николая съ преп. Иринархомъ, Борисоглѣбскій монастырь и не пострадалъ въ смутное время отъ поляковъ. Салтыга и другіе паны, бывшіе тогда подъ Ростовомъ, имѣли сношеніе съ патеромъ Николаемъ алтыга, бывши въ монастырѣ не только навѣстителъ преп. Иринарха, но и прислалъ въ патеру 5 руб., запретивъ при этомъ трогать обитель, тогда какъ и въ Ростовскіи монастыри были разграблены и частью сожжены.

шего времени И. Е. Забѣлинымъ въ его разсказѣ „Прямые и кривые“. Эта дружба и избавила О. Николая отъ тяжелыхъ лишеній, и его пребываніе въ монастырѣ вскорѣ сдѣлалось довольно свободнымъ. Онъ даже могъ вести переписку съ сосланными. Мнипками, что видно изъ уцѣлѣвшихъ писемъ О. Николая, напечатанныхъ Дементовскимъ.

Изъ числа этихъ писемъ особенно извѣстно одно, — отъ 25 октября 1606 г., полученное въ Ярославлѣ, съ описаніемъ текущихъ событій. Судя какъ по этому, такъ и по другимъ письмамъ, Борисоглѣбскіе чернецы, заключаетъ О. Павелъ Пирлингъ, были несравненно лучше освѣдомлены, чѣмъ Ярославскіе узники. Де Мелло самъ признается, что несмотря на препятствія онъ узнавалъ все, что происходило въ Москвѣ.

До 30 ноября 1611 г. де Мелло и его спутника японца въ религіозныхъ вопросахъ не стѣсняли но потомъ вдругъ почему-то имъ стали навязывать православіе. Такъ какъ они не соглашались, то ихъ разлучили. Японца даже мучили и затѣмъ казнили, призвавъ быть свидѣтелемъ этой казни даже самого де Мелло.

Наконецъ, благодаря содѣйствію Ивана Заруцкаго, О. Николай освободился. Изъ Борисоглѣбскаго монастыря онъ направился въ Маринѣ и вмѣстѣ съ нею поселился въ Астрахани, гдѣ уже находились два католическихъ монаха. Въ домовоіи церкви Марины патеръ Николай въ 1613 г., въ день св. Августина, и отслужилъ литургію. Вскорѣ Марина должна была ѣхать изъ Астрахани. На Янкѣ ее, вмѣстѣ съ Заруцкимъ и О. Николаемъ де Мелло, схватили. Патеру Николаю опять предлагали перейти въ православіе и даже сулили архіерейство, но такъ какъ онъ отъ казалъ быть ренегатомъ, то его стали всемерно мучить и наконецъ живого сожгли на кострѣ.

Въ своемъ прекрасномъ очеркѣ „Николай де Мелло, Гишпанской земли чернецъ“, О. Пирлингъ между прочимъ говоритъ, что де Мелло оставилъ послѣ себя двѣ записки: одну—о личной своей миссіонерской дѣятельности; другую—о казни своего спутника яцонца. Эти записки, несмотря на разысканія въ Римѣ и Мадридѣ, все еще не найдены.

Желаніе отыскать переписку де Мелло съ Ярославскими узниками заставило меня въ 1903 г. съѣздить въ Краковъ. Тамъ, благодаря любезности хранителя знаменитаго музея кн Чарторыйскаго, доктора Соколовскаго, предоставившаго для моихъ поисковъ все богатое рукописное собраніе Музея, мнѣ привелось, при его содѣйствіи, отыскать двѣ цѣнныя рукописи: 1) Исторія Димитрія, Царя Московскаго, и Марины Мнишекъ, дочери Сендомірскаго воеводы,*) и 2) „Дневникъ пословъ, находившихся при Маринѣ Мнишекъ“. Последняя рукопись оказалась особенно важной, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ полный дневникъ, напечатанный только въ половину Н. Г. Устряловымъ въ его «Сказаніяхъ современниковъ о Самозванцѣ», подъ заглавіемъ «Дневникъ Марины». Въ своемъ предисловіи къ этому Дневнику Марины онъ упоминаетъ, что заимствовалъ изъ манускриптовъ ученаго Альбетранда. Устряловъ сожалѣлъ, что печатаемый имъ Дневникъ Марины кончается 9 декабря 1607 г., тогда какъ онъ долженъ идти до 1609 года. Такимъ образомъ, заключаетъ Устряловъ, послѣдніе листы утратились.

Окончаніе дневника, которое по заключенію Устрялова утратилось, мной напечатано въ этомъ 1903 г. подъ заглавіемъ „Дневникъ Марины Мнишекъ“.

За послѣднее время вышло не мало изслѣдованій о Самозванцахъ и Смутномъ времени. По поводу

*) Напечатано мной въ Русск. Арх. 1906.

одного такого сичиненія Г. Валишевскаго О. Пирлингъ прислалъ мнѣ свою рецензію, напечатанную имъ въ Парижѣ въ 1907 г. Пользуясь его любезностью, я помѣщаю здѣсь это его сочиненіе, плодъ долгихъ и кропотливыхъ изысканій въ западныхъ архивахъ и преимущественно въ Ватиканѣ.

Просперъ Меримэ былъ первымъ писателемъ, познакомившимъ Францію съ личностью Димитрія Самозванца. Теперь появился новый трудъ Валишевскаго, касающійся этой эпохи. Личность Димитрія Самозванца, подобно Желѣзной Маскѣ или Людовику XVII, возбуждаетъ много различныхъ проблемъ, и не одни только историки съ искреннимъ жаромъ предаются отысканію истины. Тайна, которую они стараются раскрыть, заключается въ слѣдующемъ: былъ ли Димитрій дѣйствительнымъ сыномъ Ивана Грознаго, или это былъ только ловкій самозванецъ? Еще Генрихъ IV былъ сильно заинтересованъ этимъ вопросомъ. Всѣ признаютъ, что научно доказать истину въ данномъ случаѣ нельзя, но существуютъ болѣе или менѣе правдоподобныя гипотезы, заманчивыя предположенія, и идутъ безконечныя споры. Нужно признать, что споры не были безплодными: они еще болѣе возбудили интересъ и натолкнули на поиски новыхъ документовъ. И таковыя были найдены, тщательно изучены и, если когда-нибудь получится неоспоримый выводъ, то это будетъ истиннымъ триумфомъ критической мысли. Какова же причина первоначальныхъ споровъ? Послѣ мрачныхъ годовъ опричнины, такъ хорошо понятыхъ и разъясненныхъ Флетчеромъ и Курбскимъ и еще недавно тонко анализированныхъ Платоновымъ, наступило царствованіе слабоумнаго Феодора фактически же управленіе царствомъ находилось въ рукахъ Годунова; вотъ въ эту-то эпоху исчезъ совѣтъ или по крайней мѣрѣ на время послѣд-

ній отпрыскъ парскаго рода, жившій въ изгнаніи въ Угличѣ съ своей матерью, дядями и небольшимъ дворомъ. Случилось убійство или печальное самоубійство, говорятъ одни. Пѣтъ, возражаютъ другіе ребенокъ былъ спасенъ отъ кинжаловъ убійцъ, а Угличане, увѣренные что совершилось подлинное злодѣяніе, растерзали убійцъ. Это произошло въ 1591 г. и послужило началомъ интересующаго насъ вопроса, такъ какъ именно этотъ исчезнувшій ребенокъ оживеть въ лицѣ знаменитаго Дмитрія, котораго москвичи признаютъ потомкомъ Мономаха. Самъ онъ провозгласилъ себя, еще за столѣть до Петра императоромъ россійскимъ. Къ сожалѣнію, это исчезновеніе ребенка остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Ни официальные акты, ни хроники, ни свидѣтельства современниковъ не могутъ быть для насъ правильной точкой опоры: во всемъ этомъ матеріалѣ больше противорѣчій чѣмъ доказательствъ. А вѣдь въ Угличѣ именемъ царя и по приказу Годунова, было произведено слѣдствіе. Протоколы его до сихъ поръ сохраняются въ Москвѣ, въ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ: это отдѣльные листы пергамента, склеенные по порядку и пожелтѣвшіе отъ времени. Сколько историковъ терпѣливо изучали эти письма. И всегда соглашались съ текстомъ, опубликованнымъ во второмъ томѣ *Собранія государственныхъ грамотъ*. Правда этотъ текстъ заставляетъ желать много лучшаго, такъ какъ листы рукописи подобраны даже не вѣрно, а издатели и не подумали исправить такую ошибку. Однако, не обходимо признать, что новое и научно обоснованное изданіе актовъ этого слѣдствія, можетъ правильно восстановить лишь второстепенныя детали. въ главномъ же и основномъ все схвачено вѣрно.

Что же нужно думать о самомъ слѣдствіи? Правильно разсуждая,

оно не заслуживаетъ никакого довѣрія. Его велѣлъ князь Василій Шуйскій прославившійся клятвопреступничествомъ, и, конечно, когда самъ онъ достигнетъ трона, онъ будетъ торжественно тридцать правильность слѣдствія, къ тому же, слѣдствіе велось вопреки всякому здравому смыслу безъ всякой заботы объ истинѣ и съ предвзятымъ намѣреніемъ только доказать, что Дмитрій зарѣзался самъ въ падучей, а вовсе не былъ убитъ другими. Какъ актъ, доказывающій предвзятую мысль. Это слѣдствіе является неподобнымъ. Я признаю однако, какъ дѣлаеть и Валишевскій, что отсюда можно вывести два предположенія: во—первыхъ, что царевичъ былъ подверженъ припадкамъ падучей, во вторыхъ, что 15 мая 1591 г. онъ былъ жертвой несчастнаго случая, и что было совершено покушеніе на его жизнь. Признаю, пожалуй, что второе предположеніе болѣе вѣрно. Но когда авторъ, заявляетъ о своей „невольной пришедшей на умъ догадкѣ“, что царевичъ не былъ убитъ въ этотъ день, что онъ не палъ подъ ударомъ, на него направленнымъ, что его жизнь ни минуты не подвергалась опасности. — я оконча-тельно расхожусь съ Валишевскимъ. Этотъ выводъ мнѣ кажется искусственнымъ и произвольнымъ, такъ какъ я его нахожу не вытекающимъ изъ данныхъ посылковъ.

Итакъ, несчастный случай или покушеніе. Но когда замѣчаешь все усилія производившихъ слѣдствіе доказать первое, второе является болѣе вѣрнымъ, и имя Годунова само собой невольно приходится на умъ. Вполнѣ ли доказано, что онъ не былъ причастенъ къ этому таинственному дѣлу? Неужели ему помогли возвыстись лишь случайныя обстоятельства? Въ жизни этого русскаго, татарина по происхожденію, есть удивительная цѣлостность. Терпѣливо, умно, исподтишка подговлялъ онъ

шагъ за шагомъ свое будущее величіе. Послѣ смерти Θεодора, онъ оказался самымъ богатымъ, самымъ могущественнымъ изъ бояръ, самымъ подходящимъ занять престолъ своего зятя. Сдѣлавшись же царемъ, онъ сталъ думать только о томъ, чтобы упрочить тронъ за своей династіей; и эта идея руководила имъ во веѣхъ его поступкахъ. Неужели можно допустить, что подобное честолюбіе могло развиваться въ Борисѣ, только когда тронъ сдѣлался свободнымъ отъ законныхъ наслѣдниковъ, а что до дѣлъ поръ онъ былъ лишь вѣрнымъ слугою своего господина? „Онъ — настоящій императоръ“, говорилъ много раньше этого событія Флетчеръ. И бурграфъ Дона, посоль Рудольфа II. обвинялъ Бориса въ намѣреніи завладѣть трономъ. Послѣ смерти Іоанна IV, настоячивые планы Бориса не вѣрбачи задержалъ: некоторыя событія ясно на нихъ указываютъ. Скажу, напримѣръ, объ учрежденіи патриаршества въ 1589 г. и о назначеніи патриархомъ митрополита Дова, который въ нужный моментъ явится лучшимъ агитаторомъ въ пользу Бориса. Но оставалось одна преграда между Годуновымъ и трономъ: царевичъ Димитрій. Что же касается потомковъ Θεодора, то можно было напередъ съ увѣренностью сказать, что имъ не суждено жить, и въ 1585 г. польскій канцлеръ Замоискій на этой гипотезѣ обосновалъ свой договоръ съ Москвой.

И на самомъ дѣлѣ, въ 1592 году у Θεодора родилась дѣвочка настолько слабая, что тотчасъ же умерла. Да и могли ли быть здоровыя дѣти у больного и слабоумнаго человѣка? Итакъ, Димитрій оставался однимъ опаснымъ соперникомъ, и вдругъ онъ таинственно исчезъ. Послѣ дознанія въ Угличѣ послѣдовали ужасныя репрессіи. Сфривциально было провозглашено, что смерть Димитрія послѣдовала отъ несчастнаго случая во время

припадка падучей. Самъ патриархъ Іовъ санкціонировалъ этотъ тезисъ. Впослѣдствіи, подобно Шуйскому, онъ же будетъ это опровергать. Угличане подверглись страшнымъ наказаніямъ за то, что растерзали мнимыхъ убійцъ: 200 ч. было казнено, у многихъ отрубили языкъ; многихъ сослали въ Сибирь. Мать Димитрія должна была постричься въ монахини, а его дяди были или сосланы, или заключены въ тюрьмы. Были пощажены лишь родные убійцъ и мамка Василіса Волохова. На допросѣ она сказала именно то, чего добивались: къ ней присоединились многіе свидѣтели. Понятна тайная цѣль этихъ мѣръ: всѣми силами старались увѣрить народъ въ вѣрности случайной смерти а веѣхъ свидѣтелей могущихъ доказать противное — уничтожить. Иначе нельзя понять дѣйствій Годунова. Вотъ и веѣ результаты, которые можно получить изъ знакомства съ судебнымъ слѣдствіемъ. Тѣмъ хуже, если матери Димитрія приписываютъ невозможную роль: свидѣтельскія показанія противъ нея не имѣютъ никакой цѣны. Чтобы доказать, что Димитрій не былъ убитъ, ссылаются на переписку Безстужена Рюмина съ графомъ Шереметьевымъ. Брошюра интересна; но въ ней не хватаетъ главнаго, такъ какъ напечатаны лишь отвѣты Безстужева, письма же графа, которыя якобы полны открытіями, еще не опубликованы. И что же? Я читалъ и перечитывалъ эти страницы и съ недѣлнымъ спрашиваю себя, гдѣ же*) „неопровержимыя доказательства“, вытекающія изъ этихъ писемъ?

Что же касается книги графа, „которая у него давно готова“, въ томъ видѣ въ которомъ она находится теперь она не даетъ никакой разгадки. Такое впечатлѣніе я вынесъ изъ долгой бесѣды съ самымъ авторомъ по этому вопросу. Очень компетентные люди въ Пе-

*) Стр. 25.

тербургъ увѣряли меня въ положительныхъ результатахъ. Недавно графъ началъ издавать плоды своихъ изысканій. (Царевна Феодосія Феодоровна въ «Старинѣ и Новизнѣ», 1902 г. **). Этотъ трудъ не указанъ въ очень богатыхъ библиографическихъ справахъ Валишевскаго. Но названныя изысканія не пролили свѣта. Остаются анекдотическія доказательства, которыя могутъ навести на слѣдъ, но сами по себѣ не имѣютъ значенія. Что можно вывести изъ тайныхъ признаній Карамзина Погодину, когда хорошо извѣстно изъ X тома Русской Исторіи отношеніе знаменитаго историка къ данному вопросу? Таковъ же діалогъ Миллера съ Екатериной II. Я его цитировалъ (Римъ и Дмитрій, стр. XXII, въ концѣ предисловія въ надеждѣ найти подтвержденіе въ знаменитыхъ *Булавахъ* Миллера хранящихся въ Московскомъ Архивѣ. Увы! онъ также ничего не говорятъ. Въ общемъ всѣ эти доказательства запутаны и обманчивы.

Предположимъ покушеніе на жизнь Дмитрія; предположимъ что оно доказано; изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы оно удалось. Дмитрій могъ быть спасенъ. Онъ могъ долго скрываться и снова появиться. Это-то предположеніе и послужило основаніемъ для гипотезы, что Дмитрій Самозванецъ и Дмитрій Угличскій одно лицо.

Теперь мы достигли до самаго главнаго спорнаго пункта.

Меня упрекаютъ за то, что я перемѣнилъ мнѣніе. Это дѣйствительно такъ. Въ 1877 г. я склоненъ былъ вѣрить, что Дмитрій Самозванецъ былъ дѣйствительно сыномъ Ивана IV; въ 1901 г. я уже старался отождествить его личность съ Гришкой Отрепьевымъ. Неправильно утверждать, что *только одинъ новый документъ* появился у меня за этотъ промежутокъ времени (стр. 107). Между 1877 и 1901

г.г. мною были совершены путешествія въ Италію и Россію. Левъ XIII удостоилъ меня несказанной милостью, позволивъ мнѣ проникнуть въ Архивы Инквизиціи. Тамъ я нашелъ не только собственноручное письмо Дмитрія къ Клименту VIII, а также депешу Рангони отъ 2 іюля 1605 г. и другіе документы, относящіеся къ браку Марины. Любленость князя Бонкомпаньи дала мнѣ возможность познакомиться съ бумагами нунція Симонетта, которыхъ очень мало въ Ватиканѣ. Въ Москвѣ, въ Архивѣ Министерства Юстиціи я нашелъ переписку сенаторовъ въ Сигизмундомъ III, которая велась со времени появленія царевича въ Польшѣ. Наконецъ въ мои руки попали: дневникъ полковаго священника при войскѣ Дмитрія, Лавицкаго (этотъ дневникъ имѣется лишь въ моей коллекціи, а въ Ватиканѣ его нѣтъ), а также многія письма иезуитовъ, окружавшихъ царевича.

Всѣ эти документы очень важны. Они говорятъ о самой сущности событій. Они не позволяютъ предполагать, — какъ это было 20 лѣтъ тому назадъ, — что будто у современниковъ были серьезные мотивы повѣрить притязаніямъ Дмитрія. Впрочемъ эти мотивы намъ пзвѣстны и, надо сознаться, что они нисколько неубѣдительны. А разъ признавши послѣднее, я не поколебался измѣнить свое мнѣніе. Правъ я или нѣтъ? Это будетъ сейчасъ видно. Во всякомъ случаѣ спорный вопросъ покоится не на старыхъ аргументахъ, но на новыхъ, хотя они, можетъ быть, и не отличаются убѣдительностью. Прежде всего—юридическая поправка. То что принято называть по-латыни, *opus probandi*. Дмитрій намъ говорить: Я сынъ Ивана IV. Его забота это доказать: задача его жизни проиграна, если ему это не удастся. Говоря въ строгомъ смыслѣ, онъ даже не имѣетъ права сказать: Докажите, что я не сынъ

**) Книга V, стр. 235-309.

Ивана. Исторія рѣшаетъ правдивѣе, чѣмъ судъ, но юридически поставлю вопросъ иначе, чѣмъ это дѣлаю я,—нельзя. А потому и Димитрій пробовадь доказать свое царское происхождение и разсказалъ свою исторію князю Адаму Вишневецкому. Этотъ документъ, изданный Новаковскимъ съ неправильной датой 1606 г., (почему этого не сказать?), и безъ точнаго указанія происхожденія (зачѣмъ это скрывать?), не внушалъ довѣрія. Послѣ же того, какъ документъ былъ снова найденъ въ бумагахъ нунція Рангони, относящихся къ 1603 г. и сравненъ съ депешей отъ 2-го іюля 1605 г., а также съ письмомъ—*автографомъ* Димитрія, съ посланіями сигизмунда III, съ со-вопросникомъ Барановскаго*), бывшаго архіереємъ и сенаторомъ въ Плоцкѣ, и разобравшаго по пунктамъ рапортъ Вишневецкаго — сомнѣнія невозможны: передъ нами подлинный документъ, удостовѣренный подписью Димитрія, принятый правительствомъ, сообщенный инквизиціей сенаторамъ.

Что же мы находимъ въ этомъ документѣ? Произведеніе фантазіи, полное умолчаній и невѣроятностей. Постарались своевременно удалить и уничтожить всѣхъ свидѣтелей, показанія которыхъ были бы цѣнны. Намъ разсказываютъ очень подозрительную исторію о подмѣнѣ ребенка котораго потомъ заставляютъ странствовать изъ одного московскаго монастыря въ другой. Разсказъ полонъ недомолвокъ, неясностей, нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ, здѣсь рѣдко рѣшаются назвать чье нибудь имя.

Если молчать этотъ документъ, то и люди молчатъ подобно ему. Вѣдь передъ нами восьмилѣтній ребенокъ, сынъ царя, спасенный отъ рукъ убійцъ, старательно и

бережно скрываемый и воспитываемый, несмотря на грозящую опасность, въ продолженіи многихъ лѣтъ,—и вдругъ, когда онъ достигаетъ трона, никто не заявляетъ объ оказанныхъ ему услугахъ, ему некого благодарить, некого достойно наградить.

И въ продолженіе всей своей жизни Димитрій строго хранилъ эту тайну. А вѣдь сколько было удобныхъ случаевъ для откровенныхъ признаній—и въ Москвѣ, и въ Польшѣ! Сколько выгодъ можно было бы отсюда извлечь? И однако ни одно разоблаченіе не слѣтѣло съ его устъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ можно еще было ссылаться на то, что, можетъ быть, Димитрій произнесъ соответствующую случаю рѣчь при своемъ коронованіи, но теперь у насъ нѣтъ и этой лазейки. Лавицкій слышалъ рѣчь и однако ничего не прибавилъ къ своему дневнику: все та же недоказанность.

Теперь я выскажу свое мнѣніе вполне: этотъ единственный рапортъ Вишневецкаго, тщательно анализированный, подвергнутый строгой критикѣ, сравненный съ другими современными ему произведеніями, насколько я могу судить, вполне достаточенъ для того, чтобы доказать самозванство Димитрія: нѣтъ никакого сомнѣнія, что Димитрій воспользовался этимъ донесеніемъ, что ему нечего было сказать чего-либо другого. Въ Польшѣ и Римѣ, папа и король, кардиналы и сенаторы, правители и подданные, историки и поэты не знали, что думать объ этомъ загадочномъ человѣкѣ... Валишевскій доходитъ до того, что говоритъ: „Димитрій не могъ сказать правды потому, что можетъ быть, и самъ ея не зналъ“ (стр. 111). Если такъ,—споры должны бы прекратиться.

Едва высказываешь мысль о самозванствѣ, снова поднимаютъ вопросъ о подлинности. Всего чаще ограничиваются тѣмъ что дѣлаютъ предположенія. При этомъ

*) Былъ оубизикованъ Шамбинаго въ Русскій Старинѣ 1902 г. V т. стр. 316, VI т. 520 стр., чего Валишевскій, очевидно, не знаетъ.

каждый находит свое вполне естественнымъ близкимъ къ истинѣ, а всѣ другія кажутся ему нелѣпыми, не выдерживающими критики. Да это и понятно. Чтобы выбраться изъ колеи, надо твердо рѣшиться не бороздить поле гипотезами, а найти серьезную точку отправленія. Невозможно привести здѣсь полностью всѣхъ споровъ о Гришкѣ Отрепьевѣ. Ограничимся указаніемъ различныхъ мнѣній въ вѣ. оцѣнкѣ однихъ и тѣхъ же аргументовъ и доказательствъ.

На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить письмо — автографъ Дмитрія къ Клименту, замѣчательное уже тѣмъ какъ оно написано, и выдающее колебанія автора. Бодуэнъ де-Куртене и Пташицкій изучали его детально: строку за строкой, букву за буквой. Изъ выводы согласуются съ исторіей посланія и ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія национальность автора. Конечно, каждый имѣетъ право быть скептикомъ, но вѣдь нужны данныя для обоснованія скептицизма и, кромѣ того, надо опровергнуть то что говоритъ намъ почеркъ (начертанье буквъ въ письмѣ). Пока это не будетъ выполнено, выводы мнѣннграфовъ, основанные на документѣ, въ подлинности котораго нѣтъ сомнѣній остаются во всей ихъ силѣ и являются главными отправными пунктами въ исторіи Дмитрія. И, по моему мнѣнію это именно пис-мо должно быть положено въ основу при изученіи происхожденія Дмитрія. Иначе рискуешь запутаться.

Какимъ образомъ надо отнестись къ свидѣтельству Сигизмунда III, польскаго короля, обращавшагося съ Дмитріемъ, какъ съ самозванцемъ; послѣ того, какъ онъ самъ же помогъ ему достигнуть Московскаго престола. Говорятъ лаконично, что его «навели на сомнѣнье» (128 стр.). Отлично: но вѣдь нужно въ этомъ строго разобраться. Сигизмундъ находился въ курсѣ всѣхъ польскихъ новостей и слу-

ховъ. Именно, друзья и покровители Дмитрія имѣли полный доступъ къ королю: отъ нихъ зависѣло представить ему неопровержимыя доказательства. Съ другой стороны, Сигизмундъ постоянно поддерживалъ сношенія съ русскими, которые были сначала друзьями Дмитрія и потомъ уже его противниками. И если кто дѣйствительно былъ освѣдомленъ въ Польшѣ, — то это король. Можно негодовать на его нерѣшительную, колеблющуюся политику, въ которой преобладалъ личный интересъ, но кто способенъ бросить ему обвиненіе во лжи по отношенію къ самому панѣ, чтобы только вырвать у него деньги? Вся жизнь Сигизмунда, его сокровенные помыслы и чувства говорятъ противъ этого обвиненія. Такъ, въ 1608 г., готовясь воевать въ Россіи и нуждаясь въ деньгахъ, онъ откровенно признался панѣ во всѣхъ секретныхъ сношеніяхъ съ Россіей. Къ сожалѣнію подробности, которыя были бы такъ важны для насъ исчезли; но самое существенное для насъ слово: *Димитрій* — *самозванецъ* мы находимъ въ посланіи Сигизмунда III къ Павлу V, отъ 3-го октября 1610 г. *) утвержденные категоричное обдуманное, основанное на фактахъ. И замѣтите различіе: польскій король никогда не говорилъ такъ убѣренно о томъ, что Дмитрій былъ сыномъ Ивана IV; онъ лишь позволялъ другимъ говорить и поступать согласно этому; онъ пользовался этимъ въ своихъ интересахъ, но за собой лично онъ оставилъ полное право называть Дмитрія самозванцемъ. Три рѣчи Льва Сапѣги, опубликованныя Любавскимъ, еще болѣе убѣдительны: тамъ фигурируетъ имя Гришки Отрепьева. Мы скоро вернемся къ

*) 13 декабря 1608 г. князь Симонетта послалъ въ Римъ бумаги о Дмитріи, полученные имъ отъ Сигизмунда, но ихъ теперь нѣтъ въ архивахъ.

этому столь важному документу. *) Но прежде обратимъ вниманіе на другое свидѣтельство, на этотъ разъ идущее изъ Россіи. Дѣло идетъ о Варлаамѣ, странствующемъ монахѣ, которому трудно вѣрить. Я ему ставлю даже упрекъ, котораго не дѣлали другіе: онъ сочинилъ, или вѣрнѣе скомпилировалъ эту исторію послѣ смерти Дмитрія, въ царствованіе Василія Шуйскаго, въ смыслѣ благопріятномъ для послѣдняго: слѣдовательно эта выдумка вполне оффиціозная. Но все это не имѣетъ никакого значенія: аргументы, благодаря этому, становятся лишь доказательствѣ. Дѣйствительно, Дмитрій, обыкновенно такой молчаливый, назвалъ три мѣста, гдѣ онъ жилъ во время своихъ таинственныхъ странствованій: Брагимъ, Гочша, Острогъ. И вотъ мы находимъ у Варлаама указаніе на тѣ же мѣста пребыванія Гришки. Выходимъ, что русскіе и поляки встрѣчаютъ въ Брагимѣ того же человѣка, котораго они оставили въ Острогѣ, а онъ является никѣмъ инымъ какъ Гришкой. Если мы даже забудемъ, что Варлаамъ могъ пользоваться источниками, недоступными для другихъ, и предположимъ, что онъ лишь повторяетъ то, что слышалъ въ Польшѣ, все-таки остается тотъ фактъ, что Шуйскій въ 1606 г. принялъ и выдалъ за свою, версію о Дмитріи, происхожденіе которой относится къ 1603 г. Объ этомъ я уже говорилъ раньше болѣе подробно. Правда, здѣсь вѣтъ ничего бросающагося въ глаза, но это путеводная нить, которую нельзя опускать изъ вниманія. „Послѣдній аргументъ: въ 1671 г. Отрепьевы просили переимѣнить фамилію, такъ какъ эту имъ слишкомъ тяжело было носить. Что можетъ доказать это кромѣ

*) Этотъ документъ былъ напечатанъ въ одномъ году съ монѣмъ III томомъ о Россіи. Я могъ сослаться лишь на неизданный еще текстъ Московскаго Архива. Очевидно, Валишевскій съ нимъ незнакомъ.

одного, что счастливымъ преемникамъ Дмитрія удалось внушить народу вѣру въ свое царское происхожденіе?“ (стр. 129). Я цитирую дословно. Больше ничего не прибавлено. Мнѣ же кажется по правдѣ говоря, что этотъ фактъ доказываетъ и *друге* Безъ сомнѣнія, хартіи царей и патріарховъ могли внушить народу оффиціальную версію, но они не могли вытравить убѣжденія Отрепьевыхъ и вложить имъ въ уста униженныя признанія безъ особаго основанія. Текстъ челобитной, поданной несчастнымъ семействомъ царю Алексѣю, не былъ извѣстенъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Кажется, онъ не извѣстенъ Валишевскому, но, благодаря этому, его нельзя обойти молчаніемъ*).

Итакъ Отрепьевы утверждаютъ, что ихъ сородичъ Смирной Отрепьевъ былъ посланъ въ Польшу, чтобы имѣть свиданіе съ Дмитріемъ, что, какъ извѣстно, не состоялось. Они утверждаютъ, что этотъ Смирной открылъ самозванство Дмитрія, когда онъ былъ уже коронованъ. Вслѣдствіе этого всѣ члены семейства были сосланы въ Сибирь, или лишены состоянія. И въ 1671 г. они заявляютъ объ этомъ въ своей челобитной. Сравните ее съ упомянутыми выше рѣчами Сапеги, которая онъ произнесъ въ 1611 г. во время осады Варшавы, и вы получите тѣ же свѣдѣнія. Канцлеръ Литовскій велъ личные переговоры съ Смирнымъ Отрепьевымъ: онъ слышалъ, какъ послѣдній называлъ себя дядей Дмитріемъ; онъ зналъ о репрессіяхъ которымъ Дмитрій подвергъ Отрепьевыхъ. Не менѣе краснорѣчиво говорятъ въ пользу истины разстояніе указанныхъ мѣстъ и промежутокъ времени—1611 и 1671 г. Не могло же вѣдь быть предумышленнаго соглашенія между этими свидѣте-

*) Онъ былъ опубликованъ Щепкинскимъ въ „Краткихъ извѣстіяхъ о Лжедмитріи I“. Одесса 1903.

лями :Отрепьевы не могли познакомиться съ протоколами польскихъ семействъ, а Сапѣга какъ показывають его рѣчи, основался на показаніяхъ своей полиціи и шпионовъ съ большимъ разборомъ и осторожностью. И не смотря на это. получается полное единогласіе въ свидѣтельствахъ. Какія бы ни дѣлали изъ нихъ выводы, подобные важные документы должны быть приложены къ дѣлу. Во всякомъ случаѣ они даютъ больше матеріалу чѣмъ ничего не говорящія утверждения: „Безусловно богато-одаренный, онъ (Димитрій) не былъ ни гениемъ, ни даже чѣмъ-либо выдающимся среди толпы. А отсюда можно вывести заключеніе. что онъ былъ не самозванецъ. такъ какъ. чтобы разыграть съ такимъ совершенствомъ роль, которая его привела въ Кремль. надо родиться гениемъ (186 стр.).» А что, если какому нибудь шутнику вздумается надѣлать его гениальными способностями именно за его актерскій талантъ?

На отношенія Рима къ Димитрію также смотрять различно и этотъ вопросъ слишкомъ сложенъ, чтобы его можно было поставить въ рамки настоящаго очерка. Дѣло въ томъ. что опасно отказываться отъ метода сравненія и выхватывать единичныя событія. Чтобы имѣть правильный и вполне объективный взглядъ на политико-религиозныя отношенія между Димитріемъ и Римомъ, бесполезно будетъ обратиться къ Вольпе, Гансу Шлитте, Паолетто Чентуріоне. Въ Ватиканѣ всегда будутъ господствовать одни и тѣ же принципы, тѣ же взгляды на свободу духа, то же стремленіе понять пути Провидѣнія и слѣдовать имъ. Что же касается личныхъ убѣжденій Димитрія, то, конечно всего проще сказать, что онъ разыгрывалъ *комедию*. Но вытекаетъ ли это изъ документовъ или является фантазіей автора? Неправильнѣе ли будетъ другое болѣе тонкое освѣщеніе фактовъ? Болѣе проникновенный психологъ не

придетъ ли къ другимъ выводамъ? Димитрій, отрекшись отъ православія и принявъ католичество, поступилъ такъ же, какъ еще въ недавнее время, королевы итальянская и испанская. Развѣ кто-нибудь на шелъ въ ихъ поступкѣ простую комедію, развѣ епископы, принявшіе ихъ въ лоно Церкви, были способны на притворство? Безконечны пути, которыми истина привлекаетъ къ себѣ. Нейсповѣдимы глубины духа. Подыскать названье для проблемы, еще не значить рѣшить ее. Прочитайте безсмертныя страницы Гоголя, и въ сынѣ Тараса Бульбы, влюбленномъ въ польку и становящемся полякомъ, вы увидите славянскую способность къ эволюціи, вы найдете постепенные пути, по которымъ проходятъ новообращенные. Конечно, это только романъ, но какъ много въ немъ жизненной правды. «Личная драма» Димитрія смѣшана съ общественной трагедіей, что и составляетъ главный предметъ труда Валишевскаго. Здѣсь въ яркомъ и живомъ изложеніи проходитъ передъ нами вся исторія Россіи, начиная съ 1584 г. и кончая 1614 г. Хотя авторъ не желалъ дѣлать никакихъ сопоставленій, но они напрашиваются сами собой. „Революционный кризисъ“, переживаемый Россіей, невольно вызываетъ картины „Смутнаго времени“. Какое-то окажется тотъ историческій за-конъ, который направитъ революцію и доведетъ до конца?

Послѣ мнѣнія О. Пирлинга о личности Димитрія приходится сказать нѣсколько словъ и о Маринѣ.

Если личность Димитрія, какъ говоритъ О. Пирлингъ, подобна Желѣзной Маскѣ и покрыта еще до сихъ поръ тайной то личность Маринны является, болѣе откровенной. По словамъ одной найденной мною польской рукописи, хранящейся въ томъ же Краковскомъ Музеѣ кн Чарторыйскаго (№ 1633), «необыкновенный характеръ Мари-

ны Мнишекъ достоинъ болѣе лучшей участи». Замѣчательно ея письмомъ къ Сигизмунду III, писанное 15 января 1610 года. Этотъ неосторожный монархъ отозвалъ къ себѣ польскія войска, находившіяся при Димитріи, и этимъ необдуманнѣмъ шагомъ ослабилъ иго и подкрѣпилъ Шуйскаго, между тѣмъ какъ обѣ стороны должны были считать его общимъ врагомъ. Въ своемъ письмѣ Марина даетъ Сигизмунду почувствовать это, выражая надежду, что король придетъ на помощь ея справедливымъ притязаніямъ на русскій престолъ. Она подписывается: „Желающая Вамъ всякаго блага и успѣха Императрица Марина“.

Недуренъ и рассказъ, что когда посоль Сигизмунда III отъ имени своего монарха предложилъ ей Самоцкую землю и доходы съ Самборской экономіи при условіи, чтобы она отказалась отъ русской державы въ пользу короля польскаго, Марина отвѣтила: «Я уступила бы королю Варшаву, если бы онъ отдалъ Краковъ».

Ея письмо къ войску великолѣпно. Она пишетъ въ немъ, что она государыня сѣверныхъ странъ, русская царица, и не хочетъ признавать надъ собой чуждой ей власти короля. Войска она постарается вознаградить, а теперь ѣдетъ къ мужу, которому клялась въ супружеской вѣрности въ Краковѣ въ присутствіи короля: она хочетъ держать съ нимъ совѣтъ относительно неприкосновенности своего титула. Когда пшемыскій каштелянъ Стадницкій, ея родственникъ, узнавъ о мятежѣ въ Россіи и о смерти царя, въ письмѣ къ ней не далъ ей титула императрицы, и называлъ только ясновельможной, она отвѣтила ему собственноручно слѣдующими краткими строками: «Кого осѣняетъ Богъ, тотъ не утрачиваетъ свѣнія. Солнца не перестаетъ быть яснымъ, когда его закрываетъ темная туча. И я, хотя меня свергли съ престола измѣнники и лжесвидѣтели,—все же им-

ператрица».

Ее вообще упрекали въ томъ, что, желая царствовать, она такъ же довѣрчиво бросилась въ объятія второго обманщика, какъ согласилась на бракъ съ первымъ Димитріемъ, котораго могла считать истиннымъ. Такъ какъ она собственными глазами не видѣла смерти мужа то могла предположить, что онъ раненъ, но что ему удалось бѣжать, пользуясь замѣшательствомъ. Услышавъ, что онъ живъ и стоитъ во главѣ значительныхъ войскъ, она, несомнѣнно, возымѣла желаніе присоединиться къ нему. А прибывъ въ лагерь и увидѣвъ, что это не Димитрій,—по силамъ ли ей было отвернуться отъ него сказавъ, что это—самозванецъ? Могла ли она одна отстаивать свои собственныя права? (что, конечно, было бы честнѣе и быть можетъ, неоднократно приходило ей въ голову). Гдѣ найти силы, гдѣ найти средства для достиженія этого намѣренія? гдѣ сокровища безъ которыхъ ничего нельзя было сдѣлать гдѣ войско, которое могло бы побѣдить враговъ? гдѣ помощь и вѣрный совѣтъ? Все было въ заговорѣ про ивъ нея; народъ взбунтовался; Шуйскій царствовалъ; а тотъ, про котораго твердо думали, что онъ Димитрій, имѣлъ столько приверженцевъ... Сигизмунтъ III не былъ ея сторонникомъ: онъ имѣлъ въ виду лишь собственныя выгоды. Ея отецъ былъ человекъ слабого характера, родственники, друзья—малочисленны и преисполнены ужаса. Лишенная всего, она бросилась туда, гдѣ для нея оставался хотя какой-нибудь лучъ надежды; она предпочитала погибнуть нежели трусливо сложить оружіе предъ дальнѣйшими опасностями и превратностями судьбы и отверзтой передъ ней бездною.

Марина—говоритъ польскій историкъ,—была „не игрушкой судьбы“, какъ она жаловалась, а прежде всего жертвою собственнаго честолюбія.

